

С деньгами ли, без гроша в кармане — на Новый год изволь быть дома.

Я-то за семестр ни шиша не заработал, но рвался в родное гнездо с тем же нетерпением, что и любой другой студент, заброшенный учебой далеко от дома.

Как только отгремела зимняя сессия на первом курсе, наше общежитие мгновенно опустело. Мои соседи по комнате разъехались первыми — их родные края находились у черта на куличках. Мне же до дома было рукой подать, всего полдня пути, так что на меня торжественно возложили почетную обязанность «замести следы» и запереть блок.

Сами понимаете, глупо ждать от мужской общаги стерильной чистоты. Да и навести там мало-мальски приличный порядок — задача из разряда фантастики.

Я кое-как подмел пол, смахнул хлам со столов, пару раз мазнул тряпкой по стеклам, содрал пыльные шторы и запихал их в стиральную машину. На этом генеральная уборка была объявлена успешно завершенной.

И пускай из академии ваш покорный слуга уходил последним, на пороге родного дома он гарантированно очутился раньше всех.

В нашей семье свято чтили новогоднюю традицию: праздновать полагалось исключительно всем кланом.

Старший дедушка — Чжоу Доуцзяо — слава богу, был еще жив-здоров, а потому на праздники вся родня съезжалась в деревню. Под одной крышей собиралась прорва народу — шутка ли, без малого сотня человек!

Двадцать седьмого числа последнего лунного месяца отец завел мотор, и мы тронулись в путь. Вместе с нами на другой машине пристроилась семья Второго дяди, Чжоу Сыцзюня.

К моменту нашего прибытия в дом Старшего дяди Младший дядя, Чжоу Чжиюань, уже успел прихватить жену с ребенком и убежать к соседям лясы точить. Вернулся он не с пустыми руками — притащил два увесистых куска отличного вяленого мяса.

Оказалось, друг его детства устроился на местный мясокомбинат. В наших краях такая работа считалась невероятно престижной, ведь сотрудникам каждый год выдавали щедрые пайки в виде всевозможных мясных деликатесов.

Но у кого жизнь в деревне сразу забила ключом, так это у моей младшей сестренки, Чжоу Сяосяо. Время шло, а она по-прежнему оставалась единственной девчонкой во всем нашем огромном семействе Чжоу.

Без ложной скромности скажу: Сяосяо у нас просто ангел. Сами посудите — когда девчущку с пеленок носят на руках десятки здоровых мужиков, готовых выполнить любой ее каприз и выстроиться в очередь, лишь бы услужить, вырастить избалованную эгоистку проще простого. Но моя сестра никогда не закатывала истерик с катанием по полу и не дерзила старшим. Золотой ребенок, что тут еще скажешь.

Впрочем, тут явно не обошлось без маминого строгого воспитания. Она личным примером заложила в Сяосяо прочный фундамент, чтобы та выросла достойной, независимой женщиной новой эпохи.

То ли мир окончательно сошел с ума, то ли звезды так сошлись, но по возвращении в деревню я с изумлением обнаружил, что сразу двое наших односельчан подались в шаманы-практики и, как и я, приняли чуму.

Правда, их алтари были крошечными: так, гадали по мелочи да лечили легкие духовные хвори. Да и штат покровителей у них подобрался скромный — от силы десятков-другой духов-сяньцзя.

Сравнение напрашивалось само собой: если моя обитель духов тянула на солидную государственную корпорацию, то их лавочки были мелкими кустарными мастерскими. Крупных заказов им, конечно, не видать, но на хлеб с маслом заработать хватало.

На Новый год мне полагалось поднести щедрые дары духам на своем алтаре, и утаить это дело от родни было решительно невозможно.

Ох, что тут началось! Мои почтенные родственники, особенно Старший дедушка Чжоу Доуцзяо и Второй дядя, устроили моим родителям такой разнос, словно те пригрели на груди классовых врагов.

В те времена в нашей глуши получить высшее образование было настоящим подвигом — не то что сейчас, когда дипломированные специалисты на каждом углу стоят. На всю родню Чжоу приличных студентов набралось человек семь, включая меня. Да и те учились в заурядных местных вузах. А вот моя Ляонинская академия изящных искусств, хоть и казалась со стороны чем-то несерьезным, котиновалась по всей стране.

— Мы с твоим отцом всю жизнь революции отдали! — гремел Старший дедушка Чжоу Доуцзяо, распекая моих родителей. — Грамоте толком не обучены, зато в марксизм-ленинизм верили свято! А вы? Вырастили на свою голову студента, чтобы он теперь мракобесием да суевериями феодальными занимался? У вас вообще мозги есть или вместо них каша?!

Пока отец понуро сносил нагоняй, я тихонько стоял в сторонке. Видеть, как батю отчитывают словно мальчишку, было, конечно, совестно. Но мы с ним за последние годы так привыкли бодаться по любому поводу, что меня внезапно разобрал дикий смех. Я попытался сдержаться, но не преуспел — предательски хрюкнул. Это тут же заметил Старший дядя, Чжоу Хунцзюнь. И вот тогда карающая длань правосудия обрушилась уже на меня.

— А ты чему лыбишься?! — переключился на меня дядя. — В школе уроки обществознания прогуливал? Как тебя, без пяти минут специалиста с высшим образованием, угораздило в эту чертовщину вляпаться? Тебе перед преподавателями своими не стыдно за такое позорище?!

И пока меня самозабвенно распекали, в пространстве, недоступном для взоров обычных смертных, вовсю шло веселое представление. Кое-кто откровенно наслаждался шоу.

— Глянте-ка, совсем ведь усох, старый хрыч, а трещит без умолку! — ухмыльнулся призрак-чистый ветер. — Сразу видно — бывший политрук, хватку не растерял.

Выглядел он лет на двадцать с небольшим, вылитый деревенский парень с нашего северо-востока, только за поясом у него красовался щегольской маузер. Этот незванный гость преспокойно уплетал конфеты с моего жертвенного алтаря и весело болтал со стоящим рядом духом.

— Политрук? — любопытствовал Чжоу Цзыци, приподняв бровь. — А почему бывший?

— Так в нашем отряде служили мужики гораздо старше его, — охотно пояснил дух. — Но командир полка упорно назначал Стручка комиссаром. Вот ветераны любя и прозвали его Маленьким политруком.

Говорившим оказался мой старый знакомый, Чжао Дацзюнь. Пару дней назад его прислали ко мне на алтарь в качестве садонга — наводить порядок среди духов вместе с Чжоу Цзыци. При жизни он воевал бок о бок с моим дедом.

Я так и обомлел. Чжоу Стручок? Это еще что за прозвище такое? Я-то всегда думал, что у дедушки с его тремя братьями имена были чинные и благородные: Мир, Покой, Радость и Счастье. Каким ветром сюда занесло Стручка? И если Старшего дедушку звали Чжоу Доуцзяо — Чжоу Стручок, то как тогда звали моего деда? Чжоу Капуста, что ли?

— Дачуань, ты пока постой, послушай, — шепнул мне Чжао Дацзюнь, сочувственно похлопав по плечу. — Дед твой разошелся не на шутку. Дай мне чуть позже войти в твое тело, я сам с ним покалякаю, по-стариковски.

Идея показалась мне просто блестящей. Я послушно смирился со своей участью и продолжил безропотно кивать под бесконечные нотации Старшего дедушки. Тот в силу почтенного возраста вскоре выдохся, но напоследок все же пригрозил пальцем и строго-настрого велел немедленно разобрать алтарь и раз и навсегда завязать с «этим вашим мракобесием».

Я мысленно закатил глаза к самому потолку.

«Если бы его можно было так просто убрать! Стал бы я, приличный молодой человек новой эпохи, гробить свою юность и превращаться в деревенского колдуна, если бы у меня был

выбор?»

Однако, вопреки суровому настрою нашего патриарха, остальные родственники, выросшие в деревне, прекрасно понимали, что шутить с духами-сяньцзя не стоит.

Оставить покровителей без праздничного угощения на Новый год — верный способ навлечь на себя их гнев. А расхлебывать кашу потом придется самому шаману.

Старшая тетя, чья семья тоже издревле почитала домашних духов-хранителей, во время лепки праздничных цзяоцзы специально приготовила партию с вегетарианской начинкой. Кроме того, она сварила шесть яиц и велела мне отнести все это на алтарь, чтобы соблюсти приличия.

Мама тоже подсуежилась: натушила овощей, наварила сладких рисовых шариков-таньюань и велела расставить плошки перед духами.

Но превзошел всех мой собственный отец. Он тайком сунул мне целый блок сигарет и четыре коробочки с недорогой косметикой.

— Слыхал я про этих твоих духов, — прошептал он, оглядываясь по сторонам. — Там ведь и бабы есть, и мужики. Никого не обдели. Да, чуть не забыл — припрятал тут бутылочку хорошей водки «Цзяньнаньчунь», это лично для предков. Смотри не перепутай!

Даже мелкая Сяосяо внесла свою лепту — притащила пакет карамелек в ярких фантиках, чтобы я «подмазал» духов, дабы те одобрили.

Судя по всему, малая весьма вольно истолковала древний обычай задабривать сладостями Бога Очага перед Новым годом.

Для алтаря мне выделили небольшую пристройку во дворе дома Старшего дяди. Комнатка была чистой, но жутко холодной — отопительного кана там не провели, так что жить в ней зимой было невозможно.

К семейным подношениям я добавил купленные заранее свежие фрукты и пирожные. В итоге на столе образовалась весьма внушительная и праздничная гора яств — перед духами точно стыдно не будет.

Я затеплил благовония, почтительно поздравил наставника Чжоу Туна и всех предков-покровителей с наступающим праздником, отвесил земной поклон и выскочил на мороз.

Как самому младшему мужчине в своем поколении, мне выпала ответственная миссия — возглавить ораву племянников и вместе запустить праздничные фейерверки. Дело государственной важности, не иначе!

Когда праздничная суматоха поутихла, я выкроил минутку и заглянул проведать Старшего дедушку. Повезло — все домашние как раз ушли поздравлять соседей, так что старик коротал время в полном одиночестве.

Завидев в моих руках бутылку крепкого алкоголя, дед расплылся в улыбке, хоть и попытался для виду напустить на себя строгость:

— Ишь, чего удумал, паршивец! Зачем бутылку приволок? Мал еще со мной пить!

Впрочем, ворчал он чисто символически: руки его уже ловко свинчивали пробку. Сделав глубокий вдох, старик блаженно зажмурился, втягивая носом терпкий аромат хорошего алкоголя.

Я молча достал из серванта две небольшие пиалы, расставил их на столе и плеснул в каждую до краев. Старший дедушка одобрительно крикнул:

— Сбегай-ка на кухню. Там со вчерашнего дня тарелка с жареным арахисом осталась и свиные ушки. Неси все сюда.

Спорить я не стал, по-быстрому организовал нехитрую закуску из хозяйских запасов и вальяжно устроился на стуле напротив деда. А в следующее мгновение мое сознание попросту угасло.

Мы договорились об этом с Чжао Дацзюнем заранее. Дух должен был войти в мое тело и за ужином провести со Старшим дедушкой профилактическую беседу, а со Вторым дядей пускай отец сам разбирается — это по его части.

Дацзюнь использовал технику полного вселения, так что я отключился наглухо. Понимал лишь одно: старому солдату до смерти хотелось воспользоваться моментом, чтобы вволю наговориться с боевым товарищем и вспомнить былые деньки.

Сам я против такого вмешательства ничего не имел. Обычные люди после вселения покойников долго маются от холода, ведь дух оставляет в теле шлейф иньской энергии. Но моя даосская практика позволяла без труда усваивать как светлую янскую, так и темную иньскую ци, так что никакого дискомфорта я не испытывал.

Поговаривают, другие шаманы после сеансов одержимости пластом лежат, да и духи долго в их телах задерживаться не могут. У меня же все шло как по маслу: слияние происходило мягко, безболезненно для обеих сторон, а потому мы могли удерживать связь часами.

Очнулся я только к четырем часам дня, хотя пришел в гости в десять утра.

На столе царил форменный разгром, от бутылки осталась лишь пустая стеклотара. А мой

железный, никогда не знавший слез Старший дедушка сидел с красными глазами, в которых подозрительно поблескивала влага.

Пошарив по карманам, я выудил бумажную салфетку и молча протянул ему. Старик тут же свирепо зыркнул на меня, силясь вернуть былую суровость.

— Ну чего уставился, паршивец? — буркнул он, шмыгнув носом. — Впредь ве́ди себя прилично, делом занимайся и помогай людям. Не расстраивай своего дедушку Чжао и не позорь память предков.

Я ошалело закивал, а про себя подумал:

«Ничего себе метаморфоза! Как можно было за несколько часов превратиться из идейного борца с суевериями в ярого поборника шаманизма?»

«Да и какой он мне дедушка? Если я стану звать Чжао Дацзюня дедом, у нас вся иерархия на алтаре к чертям полетит. Мой наставник Чжоу Тун сразу окажется на ступень ниже. Кому понравятся такие семейные перестановки?»

— Дедушка, если я его дедом Чжао величать стану, у нас в роду такая путаница с поколениями начнется — вовек не разберемся, — осторожно заметил я.

Старик насупился, обдумывая мои слова, и после недолгого молчания нехотя процедил:

— Ладно, общайтесь как знаете. Но чтобы уважал его как родного, понял?

Я поспешно закивал, решив не испытывать судьбу и не злить старика понапрасну.

Мы посидели молча еще какое-то время. Я то и дело косился на деда. В голове так и крутился один каверзный вопрос, но я ужасно боялся отхватить за него по шее.

Старик, прошедший суровую школу войны в рядах Антияпонской объединенной армии, раскусил меня в два счета. Одарив меня пронизательным взглядом, он глухо спросил:

— Ты что, совсем ничего не помнишь из нашего разговора?

— Вообще ничего, — я честно помотал головой. — Старшина Чжао заблокировал мне восприятие, чтобы я под руку не лез.

Дед молча кивнул, переваривая услышанное, но развивать тему не стал.

Почувяв, что гроза миновала, я набрался наглости:

— Дедушка, а тебя правда в детстве Стручком звали? Чжоу Доуцзяо? Зачем потом имя сменил?

— Тьфу на тебя! — вскинулся старик, покраснев до корней волос. — Мало ли как в деревнях детей кличут, чтобы духи не сглазили! Попробуй только вякнуть кому — шкуру спущу!

— Молчу-молчу, могила! — ухмыльнулся я. — А дедушку моего как звали в детстве, ну, по-домашнему?

Старик на секунду задумался, и его лицо озарилось лукавой улыбкой:

— Твоего-то? А его Чжоу Цзецзы звали. Баклажаном, значит. Нам тогда казалось — жутко дорогой овощ, прямо деликатес!

Я едва сдержал стон.

«Баклажан? Seriously? Да у нас этого добра на каждом огороде как грязи!»

<http://bllate.org/book/20253/2131812>